

тельств прево сказал:

– Прочтите приговор. Клянусь богом, я не имел намерения вешать мальчугана!

Актуариус прочел приговор и это самое важное место: *«Жана Трюбера за кражу и увод взрослой кобылы повесить и удавить, и мальчик должен быть вместе с ним»*. Словами «вместе с ним» прево хотел сказать, что Жан Трюбер должен быть повешен, а его сын должен присутствовать при казни, чтобы казнь отца послужила для него назиданием. Прево хотел поступить с мальчиком согласно именно этим словам, но было уже поздно. Актуариус же оправдывался тем, что слова *«вместе с ним»* должны означать, что мальчик подлежит повешению вместе с отцом. Наконец, не зная, что сказать, хотя актуариус был не прав, прево промолвил:

– Покончено с мальчиком, покончено. А может быть, это и хорошая развязка для молодого волка, ей-богу!

Вот и все вознаграждение, какое получил бедный мальчуган, если не принимать в расчет распоряжения прево снять его с виселицы, чтобы не было толков.

Новелла LXII

О юноше, который под именем Туанетты поступил в женский монастырь, и о том, как он вышиб очки у игуменьи, которая осматривала его голого

Жил на свете юноша лет семнадцати-восемнадцати. Побывав на празднике в одном женском монастыре, он увидел там четырех или пятерых красивых монахинь и пришел от них в такое восхищение, что за любую из них охотно согласился бы нарушить свой пост. Они настолько пленили его воображение, что не давали ему ни на минуту покоя.

Приятель, которому он поведал однажды свои чувства, сказал ему:

– Вот что тебе нужно сделать. Ты – парень красивый. Оденься девушкой и ступай к игуменье. Она тебя охотно примет в монахини. Ведь здесь тебя никто не знает.

Это верно: он был мастеровым и скитался по всей стране. Этот совет ему весьма понравился. Полагая, что нет такой опасности, от которой он не сумел бы увильнуть, он решил им воспользоваться. Он переделался бедной девушкой, придумал себе имя «Туанетта», отправился в монастырь и добился там свидания с игуменьей. Игуменья была очень стара, и по счастливой случайности у нее не было в это время горничной. Туанетта довольно толково изложила ей свою просьбу, уверив ее, что она бедная сирота из одной недалней деревни, сказав при этом, из какой именно. Ее смиренная речь понравилась игуменье, и, как бы из милосердия к ней, она согласилась ее приютить, обещая через несколько дней принять ее к себе в услужение, а если она будет вести себя, как хорошая девушка, то и оставить в монастыре совсем. Туанетта стала вести себя умницей. Она весьма понравилась доброй игуменье, и мало-помалу ее полюбили все монахини. А так как она быстро научилась работать иглой (может быть, потому, что умела раньше), то еще более довольная ею игуменья решила немедленно постричь ее в монахини.

После пострижения, которое было для нее самым важным делом, она начала теснее сближаться с теми монахинями, которые казались ей самыми красивыми, и, шаг за шагом, ей удалось улечься с одной из них на одну кровать. И в первую же ночь, предаваясь с нею невинным и приятным утехам, Туанетта открылась своей подруге в том, что по воле божией у нее чудесным образом вырос на животе рог, и они начали забавляться. Этой забаве он (я хочу сказать – она) с легкой руки предавался довольно долго и тешился не с одной только, но с четырьмя монахинями, с которыми сумел завязать дружбу. Нет ничего удивительного в том, что если в этот секрет были посвящены трое или четверо сестер, то о нем узнала и пятая, и шестая. А так как среди них были и красивые, и некрасивые, то Туанетта, выказывая к последним меньше расположения, чем к первым, дала повод ко всяким подозрениям и догадкам. Они принялись следить за нею так внимательно, что скоро открыли все.

Поднялся ропот, который дошел и до ушей игуменьи. Они не указали ей прямо на сестру Туанетту, ибо игуменья была виновницей ее посвящения и так сильно к ней привязалась, что вряд ли поверила бы, если бы ей рассказали всю правду, ню косвенными намеками они дали ей понять, что не следует особенно полагаться на монашеское одеяние, что не все монахини так благонравны, как она думает, И что есть-де среди них одна монахиня, которая порочит религию и развращает сестер. Когда же она спросила их, о ком и о чем они говорят, они ей ответили, что если она хочет это узнать, то пусть их всех разденет донага. Игуменья, пораженная этой новостью, пожелала